

**ПЕТР
ВЯЗЕМСКИЙ**

КНЯЗЬ
КОЗЛОВСКИЙ

Петр Вяземский
Князь Козловский

«Public Domain»

1868

Вяземский П. А.

Князь Козловский / П. А. Вяземский — «Public Domain»,
1868

«Князь Козловский не был, что называется ныне, поэтом. Он, просто, писал стихи; по крайней мере в молодости, как и многие писали их в то время. Когда-то рассказывали, что один генерал делал выговор подчиненному ему офицеру за то, что он писал и печатал стихи. Что это вам вздумалось, говорит он. На это есть сочинители, а вы офицер. Сочинитель не пойдет за вас со взводом и в караул...»

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Петр Вяземский Князь Козловский

I

Князь Козловский не был, что называется ныне, поэтом. Он, просто, писал стихи; по крайней мере в молодости, как и многие писали их в то время.

Когда-то рассказывали, что один генерал делал выговор подчиненному ему офицеру за то, что он писал и печатал стихи. Что это вам вздумалось, говорит он. На это есть сочинители, а вы офицер. Сочинитель не пойдет за вас со взводом и в караул. И вам не зачем за него ходить в журналы и печатать себя. Все это, конечно, забавно, но имеет свою долю правды. В старину были люди, которые слыли сочинителями; но были и такие, которые *сочиняли стихи*, а не были приписаны к цеху сочинителей. В старых журналах Еватерининского времени находим мы под эпистолами, героидами и разными другими стихотворениями подписи людей, которых позднее на высших государственных ступенях нельзя было заподозрить в стихотворных грехах первой молодости. Тут, между прочими, встречаются имена: Козодавлева, графа Сергея Румянцова, графа Новосильцова. Сей последний, если не печатно, то, по крайней мере, про себя, в чинах и в старости не совершенно отрекался от Феба и всех дел его. Однажды, в Варшаве, пришел я к нему по делам службы и застал его за переводом белыми стихами одной из од Анакреона: и заметить следует за переводом подлинника; хотя я и постоянно пользовался благосклонностию и дружелюбным обращением Новосельцова, но никогда не был так доволен своим начальником, как в этот день.

Обращаемся в нашему делу. Обязательным сообщением нашего известного и любезного библиофила и литературного сыщика С. А. Соболевского мы имеем под глазами две оды князя Козловского. Одна под заглавием: «Чувствование Россиянина при чтении милостивых манифестов, изданных Его Императорским Величеством Александром И-м 1801 года Апреля во 2-й день» (печатано в Университетской типографии у Х. Клаудия); другая «Его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину, на выздоровление благодетеля» (в С.-Петербурге 1802 г., с указанного дозволения напечатано в Императорской типографии).

Признайтесь, что одни эти заглавия могли-бы в настоящее время погубить человека навсегда. Но что-же делать, если в то время оно не было поводом к гибели? Что же делать, если это не мешало Козловскому быть умным юношей и, позднее, одним из умнейших и образованнейших людей в Европейской среде ума и образованности? Можно-ли унижать себя до того, чтобы печатно признавать вельможу и начальника за благодетеля своего? Можно-ли воспевать выздоровление подобной личности? Вот что с благородным негодованием и с самодовольным сознанием превосходства своего подумает не один из читателей наших. О присяжных наших критиках, этих потомках каких-то баснословных *сороковых годов*, и говорить нечего. Заглавия, самое содержание стихотворений и способ выражения, все послужило-бы им задачею для красноречивого уличения старого времени в пошлости, низкопоклонности и отсутствии всякого человеческого достоинства. Вообще наши убеждения, критики, порицания, наши мнения, понятия, взгляды лишены способности отрекаться, хотя условно, от настоящего дня, от мимо текущего часа. Мы не умеем переноситься в другое, несколько отдаленное, время; мы не умеем мысленно переселяться в чуждую нам среду и в другие поколения, перерождаться, воплощать себя умозрительно в отжившие лица. Мы не к ним возвращаемся, как-бы следовало, когда судим их. Мы насильственно притягиваем их в себе, к своему письменному столу, и тут делаем над ними расправу. То-есть, мы раскладываем их на мерилы наши, подобно известному ложу Прокруста. Оттого и суждения наши

так часто уродливы: неминуемо вследствие того, что мы, предумышленно, разложением, истязанием, пыткой исказили, изувечили то, что подлежало суждению нашему.

При способности же соображать свое время другим временем, свою личность и её постановку и обстановку с другими личностями приходим совершенно к иным впечатлениям и выводам. Видим различие эпох, но ничего возмутительного и ужасного, и с другой стороны, ничего торжественного и победоносного в этом различии не видим. Напротив, можем спокойно и с некоторым сочувственным удовлетворением любопытства разглядеть и увериться, что в то время такая личность, как Козловский, могла не краснеть ни пред собою, ни пред современниками своими, например: пред Жуковским, Блудовым, Тургеневым, называть князя Куракина благодетелем своим. Если ставить гражданскую доблесть и искреннее негодование и беспощадное обличение, то почему-же не позволить благодарности заявить себя, и при случае безнаказанно подавать свой голос?

Опять покаемся в мягкосердечной слабости своей: мы с удовольствием прочитали стихотворения Козловского, хотя далеко не отличаются они ни поэтическим вдохновением, ни даже художественною стихотворческою отделкою. Но они замечательны, но они нравятся нам по чувству, по духу, которое возбудило их, по некоторым мыслям, которые они выразили. Смешно признаться, нравится нам и эпиграф, приложенный к стихам, посвященным князю Куракину. Нравится нам сей эпиграф потому, что признаем его искренним предисловием, сказанным автором; верною вывескою того, что он чувствовал. Мы убеждены, что не *лесть* и не *низкопоклонство* водили пером его; мы убеждены, что одно *простосердечие*, одна *признательность* внушили ему эти стихи. Наши убеждения подкрепляются и оправдываются тем, что и позднее, среди соблазна света, среди испытаний жизни, Козловский до конца сохранил это свежее благоухание простосердечия. От этих стихов, от эпиграфа, заимствованного у Ж. Ж. Руссо, так и веет на душу кроткое и сладостное ощущение. Нам приятно находить в Козловском, в этом отъявленном либерале, эти чувства, эту простоту, которые ныне заклеили мы пошлостью.

Впрочем, по тому времени и самые стихи Козловского не лишены некоторого достоинства. Мы уже заметили, что в конце минувшего столетия и в начале нынешнего не одни поэты по призыванию писали стихи, но и другие, только потому, что они были люди грамотные. Литературная сторона царствования Екатерины ИИ-й развивала вкус и привычку к литературным занятиям. Как Императрица в приближенном кружке своих царедворцев и вместе с ними переводила Велисария и писала оперы и комедии: так и другие, увлекаясь примером её, писали, переводили и, так сказать, незаметно попадали в число сочинителей.

Выпишем несколько стихов князя Козловского, останавливая внимание читателей не на внешнем их достоинстве, а на внутреннем, т. е. на том духе, которым они запечатлены.

Обращаясь в Императору Александру, он говорит:

Начало дел твоих прекрасно!
Хвалити и тому напрасно,
Кто-б их хвалить искусно мог.
Но благодарность — не искусство,
Она простого сердца чувство,
её глас слышит Бог.
Ах, часто в горести, в напасти
Несчастный слабый человек
В минуту сильной буйной страсти
Проступком помрачает век,
И с самой нежною душою,
Судьбы жестокою рукою

Во зло бывает вовлечен.
Судьи холодно рассуждают;
рассудком сердце обвиняют,
Но та на троне – он прощен,
Прощен и оживлен тобою!
Ты снова чувства дал ему.
Преступник с тронутой душою
Спешить к престолу твоему;
Перенеся удары рока,
Клянется убежать порока:
Как скорбь отцу нанесший сын
Перед самим собой винится,
Опять к семье своей стремится,
Опять он добрый гражданин.
Ты вспомнил обо всех на троне
В своем отеческом законе;
Сказал: всяк счастливо живи!
В моем правленьи нет угрозы,
Но слезы искренней любви.

Эти стихи имеют уже и то достоинство, что в них слышится отголосок народного чувства, которое приветствовало воцарение Императора Александра. В отношении к сочинителю, здесь встречается первый признак человеческого чувства и нравственность политических убеждений, которые после укрепились в нем и которым он навсегда остался верен. С литературной точки зрения, эти стихотворения замечательны какою-то спокойною сдержанностью и трезвостью выражений. Подобные свойства редко встречаются в молодых, начинающих стихотворцах. Им всегда хочется блеснуть какими-нибудь вычурами и смелыми скачками.

Впрочем, чтобы доказать беспристрастие наше, выставим несколько стихов, при которых улыбнется читатель от сравнения Москвы с Перуанкою.

Градов твоих всех мать, царица!
Москва тебя к себе зовет!
Тебя Российских стран столица,
Как Перуанка солнца ждет.

Сравнение, может быть, и верное; но почему-же оно забавно? Здесь заключается тайна литературного приличия, которое трудно объяснить и определить.

II

Князь Варшавский называл Козловского присяжным защитником проигранных тяжб.

Определение остроумное и меткое, но несколько для Козловского не обидное. Напротив, зная его, можно поручиться, что было оно ему приятно и лестно. В свете встречается так много людей, горячих и громогласных адвокатов всякой выигранной тяжбы и готовых распинаться за всякую удачу, что, хотя для одного разнообразия, отрадно встретить человека, который не только не отрекается от проигравших тяжбу, но еще сострадает им. Таково было, вероятно, мнение и фельдмаршала. Не входим в оценку военных дарований и места, которое он займет в современной истории: на этот раз довольствуемся сказать утвердительно, что способность человека высокопоставленного выслушивать мнения ему противоречащие есть несомненный признак ума светлого и открытого. Подобные победы над собою стоят побед над Турками и Персиянами. Этими, можно сказать, великодушными свойствами должен был обладать князь Паскевич. Мелкие и узкие умы не имеют подобных свойств. В них только есть темный уголок, чтобы держать в сохранности свои исключительные и доморощенные мнения и понятия. Эта терпимость, это, так сказать, гостеприимство чужих мнений особенно замечательно и достойно уважения в лицах, власть имеющих.

Мы сказали гостеприимство: это слово именно и выражает нашу мысль. Ум принимает чужия мнения, чужия понятия, как гостей: он беседует с ними, он оказывает им уважение; но это еще не значит, что он отдает им дом свой как хозяевам. Большие бары живут или жили открытым домом. Умные люди должны жить открытым умом. Там, где нет доступа, где двери назаперты, там, поверьте, или нищета, или закоснелость, или недоверие к собственным силам, чтобы отражать нашествие иноплеменное.

Князь Варшавский познакомился с Козловским еще во время путешествия по Европе великого князя Михаила Павловича, при котором Паскевич находился. Он полюбил его и при первом удобном случае приблизил к себе. В течение многих лет просиживал он с ним ежедневно в своем варшавском кабинете по несколько часов сряду далеко за полночь. Знавшим Козловского, но мало знавшим князя Паскевича, эти беседы проливают новый свет на личность полководца; эти беседы не должны были быть всегда мирные и одногласные. Нет сомнения, что часто было и разногласие. Тем лучше! при искреннем и горячем обмене мыслей должны быть и обоюдные уступки. Это весьма важно: добросовестные уступки не ослабляют нашу внутреннюю силу. Напротив, они очищают и укрепляют ее; они отсекают от неё то, что было в ней неправильно и болезненно выросшего. Способность воспринимать истину, если выходит она и из неприятельского лагеря, есть тоже сила ума самобытного. Для подобного ума истина, хотя исходит она и от противника, перестает быть неприятельскою. Есть люди, особенно между публицистами, которые, при первом заявлении мнения с мнением их не вполне согласного, начинают с того, что хватят противника по роже и потом говорят ему: ну, теперь потолкуем о деле. Эти люди готовы признавать за измену себе терпеливое выслушивание противника.

Соотношения двух варшавских собеседников были совершенно другого свойства.

Однажды Наместник получает, по делу довольно важному, записочку на цветной бумаге, раздушенную, от г-жи Вансович Князю Наместнику не понравилась эта бесцеремонность. Он готов был дать о том резко почувствовать. Помилуйте, сказал Козловский, если она признавала бы вас за сераскира, то, конечно, подала-бы вам формальное прошение на длинном листе бумаги или даже на пергаменте. Но она видит в вас только Тюрена или Конде. А эти великие полководцы любили получать цедулочки от любезных женщин. При этих словах официальная щекотливость была, разумеется, разом обезоружена.

В другой раз фельдмаршал был за что-то недоволен Английским консулом и, кажется, выразил ему свое неудовольствие не в бровь, а прямо в глаз. Это смутило и возмутило Козловского. Проживши много лет за границею с дипломатами и сам старый дипломат, он, по своим понятиям, видел в каждом дипломате лицо избранное и неприкосновенное.

Легко догадаться можно, что Козловский употребил все свое красноречие, все свои уловки, чтобы уладить эту дипломатическую размолвку, чтобы усмирить эту бурю в стакане. Но князь Паскевич не сдавался. Он решительно не хотел делать ни одного примирительного шага. Дулся-ли Козловский на героя или точно был огорчен непреклонностью его, не знаю. Но несколько дней сряду не ходил он в Царский Замок. Наконец, однажды утром получает он приглашение на обед к Наместнику. Приехав к нему, застаёт он в числе приглашенных и Английского консула. Воображаем себе удивление и радость Козловского. Эта черта, как ни маловажна, не должна быть пропущена молчанием, для характеристики князя Паскевича. Тут есть что-то утонченно-вежливое и сочувственно-человеческое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.